

С. К. Маковский

Страницы художественной критики

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
С11

С11

С. К. Маковский

Страницы художественной критики: Книга 1 / С. К. Маковский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 99 с.

ISBN 978-5-458-12189-7

Страницы художественной критики. Книга 1. Мысли и впечатления о художественном творчестве современного Запада.

ISBN 978-5-458-12189-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

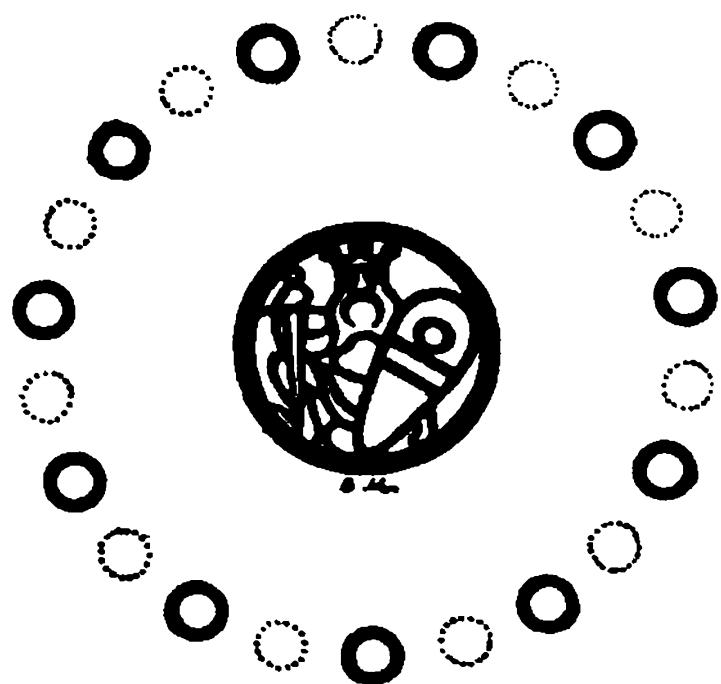
Страницы художественной критики

Междупартия выставка въ Венеции 1905 года	52
Англичане.....	53
Германия	54
Венгрия.....	54
Швейцария.....	54
Испания де-ля Гандара	54
Зулоага	54
Англада.....	55
Бельгия.....	55
Франция.....	55
Менаръ	56
Гипсъ Родз.....	56
Отсутствіе русскіхъ	56
Выставка французскихъ графиковъ въ Вѣнѣ 1905 года	58
Сегінъ	58
Депи.....	58
Ропсъ	58
Рэдонъ.....	58
Валлотонъ	59
Ибель, Лотрек	59
Вилларъ, Виллетъ	59
Помышеліе Миткѣ	59
Портреты Карьера	63
Одиночество	63
Путь	64
Реализмъ Карьера	64
Тайпа жизни	65
Души-двойники	65
Пріемы Карьера	66
Мистицизмъ	67
Дѣти	67
Материество	68
Портреты современниковъ	68
Константина Менѣ	72
Скульптура и ложнопоклассицизмъ	72
Ваяніе въ Россіи	73
Монументы современной Европы	73
Родонъ и Менѣ	74
Настроение города	75
Фрэкенъ и де Гру	76
Живопись Менѣ	76
Тайпы идеализациі	77
Послѣдний шагъ	79
Классические ритмы и новая психика	80
Поэзія рабочей стихіи	81
Нравственный и эстетический субъективизм	82
Символический синтезъ	82
Обри Бирдслей	86
Современная графика	86
Драгоценные камни	86
Бѣсовский театр	87
Теплицы порока	88
Призраки	88
Синтезъ	89
Два пути от Россети	90
Бернъ-Джонсъ и Бирдслей	91
Оргія Астарты	92
Фелифен Ропсъ	93
Рай грѣха	94
Точность	94
Маски	95

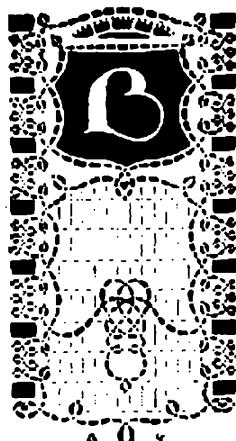
Отъ автора

Въ эту книгу вошли мои статьи я замѣтки объ иностранныхъ художникахъ, появлявшіяся, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, на страницахъ нѣсколькихъ журналовъ. Издавая ихъ подъ однимъ заглавіемъ, многое я исправилъ и дополнілъ, кое что переработалъ заново; нѣкоторыя главы печатаются теперь впервые. Все же, содержаніе книги остается случайнымъ. Читатель не найдетъ въ ней ни руководящихъ взглядовъ строго-критиче-скаго характера, ни общей оцѣнки современаго творчества на Западѣ. Передъ нимъ почти исключительно — краткіе *comptes rendus* о тѣхъ вполнѣ личныхъ впечатлѣніяхъ и настроеніяхъ, какія я испытывалъ во время заграничныхъ скитаній по выставкамъ и музеямъ. Можетъ быть, эти настроения побудятъ, хоть отчасти, русскихъ культурныхъ людей (обычно столь далекихъ отъ вопросовъ эстетики) вдуматься серьезнѣе въ красоты нынѣ возрождающагося искусства. Вотъ — надежда, дающая мнѣ смѣлость разсчитывать на вниманіе немногихъ друзей художества въ Россіи.

ВМЪСТО ВВЕДЕНИЯ

Вместо введения

СЕ пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ... Все великое земное разлетается Какъ дымъ...

— но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; они долговѣчнѣе самой сіяющей красоты:, все минется, сказалъ апостоль, одна любовь останется'.

Вы помните? Такъ кончаетъ Тургеневъ свою рѣчъ: Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. Эти заключительныя слова — больше, чѣмъ личное признаніе. Они характерны вообще для русского эстетика. ,Добрыя дѣла долговѣчнѣе самой сіяющей красоты'. Къ этому свелись размышенія большого русского художника о творчествѣ двухъ величайшихъ художниковъ міра. Развѣ другіе не выражались еще опредѣлениѣ?

Русскій эстетикъ можетъ любить искусство съ горячнимъ убѣжденіемъ, но до извѣстнаго предѣла — до тѣхъ поръ, пока въ его мысляхъ не возникло желанія послѣднихъ обобщеній, и слова не стали слагаться въ разрѣшительные выводы. Тогда онъ делается моралистомъ. Русскій эстетикъ боится повѣрить красотѣ до конца; его художническая гордыня смиряется передъ величиемъ нравственной проблемы...

Быть ли у насъ хоть одинъ власть имущій мыслитель, который призналъ бы въ красотѣ высшее, всеобъединяющее и всепримирающее начало, неподчинимое ни нравственности, ни религіи и не нуждающееся въ объясненіяхъ и въ оправданий? Быть ли тотъ, кто сказалъ: творящіе прекрасное творять вѣчное?

Вѣроятно, мы еще слишкомъ варвары. Самые культурные изъ насъ часто не видятъ грани, отдѣляющей, человѣческія, слишкомъ человѣческія' цѣнности жизни отъ цѣнностей творчества.

Почти всѣ русскіе художники, когда всмотришься ближе въ ихъ дѣятельность, оказываются мучениками внутренняго разлада, сомнѣвающимися въ своемъ призванії. Сколькіе изъ нихъ стыдились уединеній, Парнасса и старались защитить себя передъ собой и людьми, низводя языкъ боговъ до проповѣди на общественныя и религіозныя темы. Сколькіе, въ концѣ пути, отрекались отъ своихъ произведеній. Гоголь, передъ смертью сжигающій рукописи, Толстой, презрительно называющій ,лобасенками' свои романы, Ивановъ, убитый на вершинѣ генія мыслью о невоплотимости христіанской идеи,— явленія глубоко національныя. Даже Пушкинъ, котораго такъ долго наше ,передовое' общество упрекало въ чрезмѣрномъ эстетизмѣ, Пушкинъ, гордо бичующій непосвященную ,чернь', и тотъ считалъ нужной оговорку: ,И долго буду тѣмъ любезен я народу, что чувства добрая я лирой пробуждалъ'... Не угадывается ли въ этихъ словахъ то же желаніе оправдаться?

Русскій писатель, русскій поэтъ, живописецъ, какъ только онъ сознаетъ себя стоящимъ выше уровня, роковымъ образомъ приходитъ къ мысли, что художникъ долженъ быть учителемъ жизни, что служеніе красотѣ — недопустимая роскошь, если само оно не служить ,высшей идеи'.

Оттѣнки этой моральности, конечно, меняются съ поколѣніями. Сущность ея остается тою же. Искусство — не цѣль, но средство; красота — только оболочка, только форма для иныхъ откровеній, говорящихъ о цѣляхъ нравственного бытія. Добрыя дѣла

Страницы художественной критики

долговѣчнѣе самой сіяющей красоты'.

Въ этомъ признаніи коренится и первородный грѣхъ нашей критики. Отъ художника она требуетъ идей, взглядовъ, моральныхъ идеаловъ. истины и пользы — не искусства. Обсуждая въ художественныхъ произведеніяхъ не степень ихъ эстетического совершенства, а намѣренія автора и его отношеніе къ вопросамъ дня, она взвѣшиваетъ творческую личность на грубыхъ вѣсахъ ,добра и зла', ,правды и лжи'.

Я привѣтствую — среди современного, молодого поколѣнія русскихъ художниковъ и критиковъ — всѣхъ борящихся съ этимъ закоренѣлымъ недоразумѣніемъ. Они первые вынесли удары нашего национального сентиментализма...

Или они ошибаются? Гамлетъ и Донъ-Кихотъ — геніальныя творенія литературы... но, все минется, одна любовь останется'. Намъ нечего прибавить послѣ этихъ словъ', говорить Тургеневъ.

Согласимся ли съ нимъ? Признаемъ ли, что нравственное бытіе человечества — прочнѣе, несомнѣннѣе бытія эстетического? Исторія столѣтій, опытъ народовъ говорить намъ: нѣтъ. Красота самое долговѣчное изъ дѣлъ человѣческихъ, добрыхъ или злыхъ безразлично. Подвиги и преступленія одинаково забвенны въ вѣкахъ; поколѣнія смѣняютъ другъ друга, и съ ними безслѣдно умираютъ и любовь ихъ, и ненависть. Родъ приходитъ и родъ проходитъ', и новые люди, впитавъ наслѣдіе бывшихъ (почти всегда несознательно и неполно), идутъ дальше, къ инымъ цѣлямъ или только иной дорогой, разрушая старое и совершенствуя его по своему, создавая новыя формы желанного и презрѣнного, столь же смертныя, какъ и прежнія. Такъ живая дѣйствительность превращается въ сновидѣніе. И, въ концѣ концовъ, остается только художественность того, что когда то было жизнью.

***

***

Минувшее живетъ въ образахъ. Какъ бы не были мы чужды искусству, обращаясь къ прошлому, мы иачинаемъ мыслять эстетически. Само время — великий художникъ, претворяющій улыбки, слезы и кровь народовъ въ бессмертную плоть красоты. Исторія, въ памяти человечества, — смѣна картинъ, тѣмъ болѣе вѣчныхъ, чѣмъ онъ прекраснее. Только черезъ красоту мы пріобщаемся къ вѣй сердцемъ и волей. Только въ красотѣ живое обаяніе невозвратнаго.

Быть ли дѣйствительно Прометей великимъ страдальцемъ въ неравной борьбѣ съ богами? Высокотвердышная Троя была ли или нѣтъ? Не все ли равно? Сынъ Япета для насть — вдохновенное видѣніе Эсхила; огонь его жертвы никогда не погаснѣтъ. Пѣсни Гомера чаруютъ донынѣ, и призракъ Елены, похищенный Фаустомъ изъ царства Матерей, — неопровержимѣе, чѣмъ всѣ несчастія и добродѣтели мертвыхъ героевъ.

Нѣтъ, мы не вѣримъ искренности филистеровъ-моралистовъ, извлекающихъ уроки нравственности изъ таинственныхъ стра-ницъ крови и блеска, которыми такъ богата Книга судьбы. Попробуемъ негодовать вмѣстѣ съ ними. Наше осужденіе будетъ умозрительно, надуманно, лживо; оно никого не заставитъ больше мечтать, по гримѣру первыхъ христіанъ, о томъ, чтобы разрушить Колизей и цезарскіе дворцы, какъ слѣды діавольского наважденія. Эти памятники, эти развалины языческихъ безумій, стали намъ дороже всѣхъ жертвъ и мученическихъ стоновъ, которыми питалось ихъ великколѣпіе. Мы прозрѣваемъ въ нихъ нѣчто несравненно бодре важное и непостижимо цѣнное, чѣмъ наше временное добро и зло. Красота вѣковъ обращаетъ чертоги разврата и насилия въ священные гробницы. Логика совѣсти молкнетъ передъ тайной тысячелѣтія. Если такъ, то во имя того же нравственного чувства не будемъ лгать передъ собой. Лучше жестокость, чѣмъ притворное состраданіе.

***

***

Загадочный процессъ превращенія жизни въ красоту не знаетъ различія между

праведнымъ и грѣшнымъ. Всегда настаетъ время, когда дѣянія славныхъ перестаютъ трогать нравственное чувство потомковъ. Рано или поздно люди начинаютъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ археологи производятъ раскопки. За то ихъ изображенія изъ бронзы и мрамора и имъ посвященные строфы поэтовъ нетленны во вѣки. Съятeli ,добрыхъ дѣль', подвижники любви и долга погибаютъ безслѣдно, если вокругъ ихъ имени не вспыхнуль ореоль легенды. Но имена злодѣевъ такъ же незабвенны, какъ имена святыхъ, когда ихъ преступленія облеклись въ одежды искусства.

Вы видите: храмы и кумиры бессмертнѣе боговъ. Олимпійцы умерли; тысячелѣтія назадъ послѣдня бѣлыя голубицы обагрили кровью алтари Венеры и Аполлона, но ихъ изваяніямъ все еще продолжаютъ шептать молитвы. Съ каждымъ поколѣніемъ почитателей красота ихъ рождается вновь. Вы знаете: никогда больше Егова не пошлетъ на землю своихъ пророковъ. Но огненные образы библейскихъ пророчествъ и вдохновенное сладострастіе Пѣсни Пѣсней спасутъ отъ тлѣнія Вѣчную Книгу. Красота религіи переживаетъ религію. Творческое слово несомнѣннѣе Бога... И если — когда люди забудутъ учение Христа — христіанская легенда останется, то оттого, что она прекрасна.

Поистинѣ долговѣчна только художественность бывшаго когда то жизнью. Долговѣчны только дѣла и произведенія, воплотившія красоту вѣковъ. Все разсыпалось прахомъ: великія цивилизаціи, эпохи побѣдъ и паденій, могучія царства Ассиріи и Вавилона, сказочно-древнія культуры Востока и наше недавнее прошлое. Лишь по прежнему священнодѣйствуютъ на барельефахъ, украшавшихъ когда то дворцы Саргона, крылатые генія, жрецы и владыки, окруженные рабами; по прежнему улыбаются со свитковъ шелковой бумаги соплеменники Лао-Тзе и Конфуція, одѣтые въ нѣжно-роскошныя ткани; до сихъ поръ, среди обломковъ мемфисскихъ храмовъ, тянутся вереницы боговъ и священныхъ животныхъ, и за ними идутъ герои и воины, съ эмблемами власти, землепашцы, ремесленники, женщины, дѣти, держа надъ головами приношенія; и на страницахъ средневѣковыхъ фоліантовъ, наполненныхъ отжившей мудростью алхимиковъ и схоластовъ, заглавныя готическія буквы и заставки съ изображеніями апостоловъ и рыцарей, чудовищныхъ звѣрей и небывалыхъ растеній, — донынѣ свѣжи и благоуханны, какъ неумирающіе цвѣты надъ могилами.

Все разсыпалось прахомъ. Только памятники искусства остались. Только ими и въ нихъ продолжаетъ жить невозвратное. И чѣмъ шире бездна времени отъ нась къ прошлому, тѣмъ ярче эта правда. Мы ничего не знаемъ о племенахъ глубокаго варварства. Нѣть даже преданій. Даже легенды отцвѣли. Сохранились лишь грубые, глиняные сосуды, окаймленные изогнутыми полосками и лиственнымъ узоромъ, причудливые божки изъ камня и бронзы и тщательно слаженные кремневыя орудія, на которыхъ оставили слѣдъ первыя думы о красивомъ. Далекіе мертвѣцы унесли съ собой загадку чуждаго намъ существованія, но подъ землей могильныхъ кургановъ отъ нихъ уцѣлѣли пожелтѣлые кости, покрытые золотыми кольцами и ожерельями. Сама смерть спасла ихъ отъ разрушенія.

Древніе, забытые скелеты, ревниво стерегущіе сокровища въ пыли опустѣлыхъ гробницъ,—символъ всей судьбы народовъ.

***

Становясь на моральную точку зрѣнія по отношенію къ историческому року, мы замыкаемся въ узкій кругъ нашихъ собственныхъ поступковъ и недоумѣній. Позади все рушится. Какъ одинокія тѣни между двухъ безбрежностей, мертваго прошлаго и нежившаго будущаго, мы ищемъ и не находимъ отвѣтовъ. Отчего законы столѣтій иные, чѣмъ законы нравственной совѣсти?

Страницы художественной критики

Отчего, въ поискахъ за истиной и добромъ, мы — воспитанные моралью въ презрѣніи ко лжи, къ роскоши и наслажденіямъ — убѣждаемся, что въ вѣкахъ священны только вымыслы и роскошь, созданные для наслажденій? И, обратно, когда по отношенію къ себѣ, къ своей жизни мы становимся на точку зрења эстетическую, когда мы хотимъ измѣрить красотой тайны нашего духа, мы замыкаемъ себя въ другой кругъ.

Красота не даетъ отвѣтовъ на запросы разума, совѣсти, воли. Красота — для созерцаній. Но вершина созерцаній — смерть. Нельзя отнять у жизни моральной основы, настанетъ безразличіе, и безуміе будетъ стучаться въ двери. Большинство говорившихъ объ искусствѣ не понимало этой дилемы. Въ результатѣ, смѣшивалось два начала, по существу несоизмѣримыя: начало жизни, моральное, волевое начало и начало творчества, начало эстетической мистики.

Схематически это непониманіе можно выразить тремя формулами.

,Искусство должно имѣть конечную этическую цѣль; иначе оно становится зломъ' — утверждаютъ во имя религіи и нравственности моралисты всѣхъ временъ. Аскеты, стоики или мистики, христіане или язычники безразлично — отвергаютъ искусство, какъ цѣль, во имя идеала личной святости. ,Искусство должно быть полезно.' Такъ говорять утилитаристы, отвергающіе искусство, какъ цѣль, во имя соціального счастья. ,Прекрасное побѣждаетъ нравственное. Внѣ прекрасного нѣть цѣлей. Все дозволено.' Такъ утверждаютъ эстеты, готовые защищать безнравственность во имя красоты.

Эти три формулы одинаково невѣрны. Искусство для нравственной цѣли такъ же, какъ отрицаніе искусства во имя морали, — глубокое недоразумѣніе. Искусство вѣнѣнравственно. Прекрасное и должное могутъ случайно соприкоснуться въ нашемъ сердцѣ; борьба ихъ велѣній часто неизбѣжна. Но когда мы выходимъ за предѣлы личныхъ переживаній и ихъ оцѣнки — они становятся чуждыми другъ другу, какъ величины разныхъ измѣреній.

Развѣнчиваніе искусства во имя пользы и соціального блага — другое недоразумѣніе, тѣмъ болѣе странное, что оно предполагаетъ рѣшеннымъ вопросъ, котораго рѣшить нельзя, вопросъ о конечной цѣли человѣчества.

Стремленіе къ пользѣ и къ счастью — сознательная цѣль людей. Несомнѣнно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что жизнь человѣчества, непостижимая въ своей основѣ, не имѣть иной, непостижимой цѣли. Утилитаристы правы въ тѣсныхъ границахъ непосредственно-доступныхъ намъ явленій, борьбы за существованіе'. Они правы: красота не средство къ достижению соціального блага. Но кто сказалъ, что назначеніе человѣка есть соціальное благо? Мы боремся за наше счастье, потому что мы люди. Но кто смѣеть сказать, что мы только люди?

Между моралистами въ истинномъ значеніи слова и утилитаристами больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ кажется. Разница лишь въ томъ, что правду, находящуюся въ человѣческой личности, одни измѣряютъ нравственной совѣстью человѣка, другие — идеаломъ мнемаго назначенія людей. Между тѣмъ, что такъ осторожно выразилъ Тургеневъ, вспомнившій слова апостола въ концѣ рѣчи о Гамлете и Донѣ-Кихотѣ, между тѣмъ, на чёмъ съ упорствомъ генія настаиваетъ Левъ Толстой, и тѣмъ, что проповѣдывали эллинъ Платонъ, изгнавшій искусство изъ идеальной республики, римскіе стоики, католические аскеты, Прудонъ, Марксъ, Спенсеръ, Писаревъ — по существу небольшія разницы. Всѣ они, развѣнчивая искусство, хотя и во имя разныхъ идеаловъ, становятся союзниками; въ ихъ постиженіи красота должна служить нравственнымъ или соціальнымъ цѣлямъ. Когда сравниваешь рѣчи Толстого и Писарева о красотѣ, кажется, что они заимствовали другъ у друга презрительныя выраженія. Пути, идущіе изъ двухъ

противоположныхъ точекъ, сходятся. Этика христіанства встрѣчается ,съ этикой шестидесятыхъ годовъ'. Странное единодуше между Толстымъ, подтверждающимъ каждое слово евангельскими текстами, и Писаревымъ, ссылающимся на ,безбожную' науку, на Дарвина и Молешота! Они утверждаютъ почти одно и то же, говоря объ искусствѣ, потому что измѣряютъ искусство тою же мѣрой: полезностью. Одинъ — благомъ личной святости, другой — святостью общественного блага. И обоимъ съ одинаковой неопровергимостью возражаетъ исторія. Религія, которой вдохновляется Толстой, прославила прежде всего искусство, обезсмертила себя въ искусствѣ, осталась нетлѣнной и пребудетъ въ вѣкахъ красотою одухотворенныхъ ею символовъ. Эволюція обществъ, на которую опирается Писаревъ, показываетъ, что люди, безсознательно и невольно, живутъ только для красоты, только ею увѣковѣчиваются свое бытіе, подчиняясь року высшему, чѣмъ сознаніе и воля.

Итакъ — передъ нами дилема...

Красота — вѣнѣнравственна, неполезна: значить она не цѣль жизни. Но стремленіе къ нравственному и соціальному благу превращается въ красоту: значить красота — цѣль.

Кажущаяся непримиримость! Ибо необходимо признать не одну, а двѣ цѣли, двѣ правды, несоизмѣримыя, свободныя. Одна цѣль, различно понимаемая всѣми, — цѣль непосредственная, активная, временная; выражаясь кантовскимъ языкомъ — цѣль феноменальная: нравственность, польза, счастіе, святость. Другая цѣль — несознательная, непостижимая, вѣнѣ времененная, нумenalльная: красота, творчество, искусство. Съ одной стороны, мы существуемъ и дѣйствуемъ какъ люди, какъ утвержденіе моральныхъ, религиозныхъ и общественныхъ законовъ, мѣняющихся во времени. Съ другой стороны, мы — призраки вѣчности, смутно угадывающіе себя, какъ бытіе эстетическое, и закрѣпляющіе это бытіе въ прекрасныхъ образахъ. Ошибка моралистовъ и утилитаристовъ — въ томъ, что они вторую цѣль, непостижимую, не хотятъ признать изъ-за первой, постигаемой цѣли. Ошибка эстетовъ — обратная. Они отвергаютъ первую, различно познаваемую, цѣль во имя второй — непостижимой, что равносильно замѣчанію насмѣшника, спросившаго Берклия: ,если пространство воображаемо, то, значитъ, я могу броситься въ пропасть?'

Мои слова — не теорія ,эстетства'. Не правъ былъ Левъ X, сказавшій Бенвенуто Челлини, когда онъ, уличенный въ убийствѣ, вмѣсто оправданія протянуль папѣ золотое распятіе волшебнотонкой работы: ,Il Christo vale un uomo'. Нельзя оправдывать преступленія красотою, такъ же какъ нельзя оправдывать искусства моралью. Синтеза художественного творчества и нравственности нѣть.

Моральной должна быть оцѣнка поступковъ. Жизнь должна быть тѣмъ, чѣмъ суждено: страданіемъ, усилиемъ, жаждой счастья, пользы, святости. Пусть люди стремятся къ жизненнымъ цѣлямъ, къ соціальнымъ идеаламъ, къ осуществленію на землѣ, любви и добра'. Чѣмъ стихійнѣе, тѣмъ лучше. Не опроверженіе красоты опасно для искусства, опасно оскудѣніе жизни. Когда бѣднѣеть содержаніе жизни и ея временныхъ цѣлей, бѣднѣютъ и силы творчества. Красота и жизнь — два лика единой тайны... Но опроверженіе искусства во имя цѣлей жизни — ребячество, святое ребячество у тѣхъ, которые говорятъ отъ любви и невѣдѣнія, ребячество жалкое у говорящихъ отъ недомыслія или отъ притворной праведности.

Страницы художественной критики

***

Жизнь народовъ образуется изъ безчисленного ряда слагаемыхъ. Искусство, какъ дѣятельность, искусство поскольку оно то же слагаемое — какимъ малымъ кажется его значеніе, если его сопоставить съ дѣятельностью великихъ завоевателей и провозвѣстниковъ религій, или съ трудами умовъ, открытія которыхъ измѣняли течетѣ культуры!

И теперь среди многообразныхъ переживаній современности, среди тысячи борющихся теченій, экономическихъ, соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ, искусству отмежевано самое скромное мѣсто. Но въ итогѣ — одно искусство не умираетъ. Но когда нибудь и отъ нашей эпохи, отъ всего, что мы считаемъ правдой, отъ всего для насъ святого и великаго останется только творимая нами красота. Самая глубокая мысль, самая безкорыстная побѣда духа — хрупкіе сосуды красоты. Мы существуемъ для того, чтобы другіе о насъ мечтали. Народы волнуются и бѣдствуютъ, чтобы ихъ жизнь претворилась въ сказку поэта... Вѣчный смыслъ и нашей современной, „революціи“ — въ какомъ то еще несозданномъ произведеніи художника...

Искусство не дѣятельная сила жизни, но отраженіе ея превращеній въ вѣкахъ.

Любая точка въ исторіи человѣчества (какъ любое мгновеніе во всякомъ процессѣ) можетъ быть созерцаемо двояко: какъ моментъ развитія, возникновенія, какъ динамическое состояніе во времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ моментъ статики, какъ моментъ завершенія всею предыдущаго, какъ цѣль и конецъ. Въ первомъ случаѣ, передъ нами неуловимый процессъ, непрерывный переходъ однѣхъ формъ въ другія, неустанное бѣгство настоящаго, вѣчно-движущееся начало. Во второмъ случаѣ — рядъ самоцѣльныхъ мгновеній, неподвижность, вершина, окаменѣлость, итогъ. Искусство — магическое зеркало, отражающее эту статику бытія, эту самоцѣльность образовъ и формъ.

Жизнь — непрерывная борьба прошлаго съ будущимъ. Ея красота — вѣчное настоящее.

И потому существуетъ только одно бессмертіе, бессмертіе прекраснаго...

Сергей Маковский

арнольдъ беклиниъ

